

Экваториальная Гвинея как фактор геополитики

Equatorial Guinea as a factor of geopolitics

Болтаевский А.А.

канд. ист. наук, преподаватель Российского университета кооперации, г. Москва
e-mail: Boltaev83@mail.ru

Boltaevskiy A.A.

Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Russian University of Cooperation, Moscow
e-mail: Boltaev83@mail.ru

Ярина А.А.

студент, Российский университет кооперации, г. Москва
e-mail: yarina-arina@mail.ru

Yarina A.A.

Student, Russian University of Cooperation, Moscow
e-mail: yarina-arina@mail.ru

Аннотация

Небольшая по площади и численности населения Республика Экваториальная Гвинея последние годы привлекает внимание ведущих геополитических игроков большими нефтяными месторождениями. Сложный исторический путь, проделанный молодой страной, заставляет внимательно рассмотреть те факторы, которые являются ведущими в ее развитии: это и политическая культура, и этнолингвистическая картина, и особенности колониального прошлого.

Ключевые слова: Экваториальная Гвинея, международные отношения, геополитика, Африка, Россия, современность, антиколониализм, Испания.

Abstract

The Republic of Equatorial Guinea, which is small in area and population, has attracted the attention of the leading geopolitical players in recent years with large oil fields. The difficult historical path traveled by the young country forces us to carefully consider those factors that are leading in its development: these are political culture, ethnolinguistic picture, and features of the colonial past.

Keywords: Equatorial Guinea, international relations, geopolitics, Africa, Russia, modernity, anti-colonialism, Spain.

Распад соцлагеря и Советского Союза привел в начале 1990-х гг. не только к совершенно новой геополитической реальности, которая выразилась в оформлении краткосрочного монополярного мира во главе с Соединенными Штатами Америки, но и в переосмыслении будущего со стороны как многочисленных специалистов – философов, политологов, социологов, – так и рядовых наблюдателей. Укажем на знаменитую и казавшуюся некоторыми одно время пророческой концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы, отметим и безграничную веру в рынок молодых либералов-реформаторов в России в первой половине 1990-х гг. Временно в тот период в нашей стране произошел отход от суверенного внешнеполитического курса: перелом здесь начался примерно с 1998

г. Однако за последние годы наша страна не только усилила свои геополитические позиции, но и смогла вновь завоевать высокий международный авторитет, растерянный в годы лихолетья. Это вызывает и заметный интерес к зарубежным странам, причем не только к евроатлантическому блоку, но и развивающимся. Не секрет, что в 1990-е – 2000-е гг. Пекин, воспользовавшись выгодной конъюнктурой, сумел занять выгодные позиции на Африканском континенте. В самом деле, КНР смогла не только предложить экономическое партнерство, но и отрицала так называемый «вашингтонский консенсус», что привлекало к сотрудничеству тех африканских лидеров, которые по тем или иным причинам не были готовы к взаимодействию на условиях США. Кроме того, здесь сказалось и отсутствие у Китая колониального прошлого, что не могло не сказаться на более выигрышном восприятии этой страны в глазах миллионов африканцев, историческая память которых прекрасно помнит господство европейских колонизаторов. В этой связи следует подчеркнуть, что не менее выигрышным в 1960-1970-е гг. виделось и советско-африканское сотрудничество, имевшее как идеологическую, так и прагматическую направленность. Однако, как справедливо отмечают исследователи, СССР не только не смог стать заменой западного блока молодым африканским государствам, но и проиграл, в конечном итоге, идеологическую борьбу [2, с. 323]. Можно много говорить о совершенных Москвой ошибках: это и создание гигантских комбинатов в ряде африканских государств, так и не сумевшие выйти на самоокупаемость, это и поддержка ряда одиозных лидеров, многие из которых исчезли со сцены сразу после окончания «холодной войны». Конечно, и западный блок совершил немало ошибок, но его возможности были намного большими, чем возможности Советского Союза.

Все вышесказанное заставляет обратиться к планомерному изучению африканских стран, без идеологической подоплеки, но с учетом возможного взаимовыгодного сотрудничества. Информация о ситуации на Африканском континенте позволит выработать и стратегическую линию на взаимовыгодное долгосрочное сотрудничество, так необходимое в условиях складывающегося на наших глазах многополярного мира.

Экваториальная Гвинея – одно из тех молодых африканских государств, история которых во многом сходна. Возникшее на основе сложившихся в колониальное время границ, оно объединяет различные этнические группы, а патерналистская, да и к тому же все еще находящаяся в зачаточном состоянии политическая культура обусловила формирование в 1970-е гг. диктаторского режима, многими специалистами расцениваемого, как один из самых жестоких на тот период времени. Приведем только емкую характеристику тогдашнего президента Республики Экваториальная Гвинея Масиаса Нгемо, данную норвежским журналистом Эйнарсом Лунде: «По сравнению с Масиасом Нгемо Бокасса и Иди Амин мальчишки для битвы». Однако начало добычи нефти на шельфе в 1990-е гг. привело к серьезному увеличению дохода ВВП страны, превосходящему большинство африканских стран. И здесь вновь нельзя не обратить внимание на удивительный контраст: богатейшая страна все еще не может снабдить население чистой водой, имеются серьезные перебои с энергоснабжением, по-прежнему, как и в 1970-е гг. важнейшим источником информации для ее жителей является радио. На этом фоне кажется весьма оригинальным намерение находящегося уже свыше трех десятилетий у власти Теодора Обианга (племянника свергнутого и казненного в 1979 г. Масиаса Нгемо) перенести столицу из Малабо в Оял на востоке страны. Оял уже переименован в Сьюдад-де-ла-Пас («Город мира») и находится среди непроходимых джунглей в практически неразвитой части страны. С одной стороны, здесь видится желание развивать континентальную часть страны (в колониальный период наиболее

развитой частью выступал остров Фернандо-По – ныне Биоко; это положение сохраняется и сегодня), с другой стороны, как оппозиция, так и зарубежные аналитики видят в переносе столицы намерение действующих властей уйти подальше от бурлящего главного города Малабо, тем более, что «Город мира» будет находиться вблизи от Монгомо, где проживает этнический клан эсанги, к которому принадлежат как бывший, так и нынешний глава Экваториальной Гвинеи. Это тем более актуально в условиях как подозрительности Теодора Обианга, так и реальных попыток государственного переворота: в 2004 г. в нем оказался замешан даже сын Маргарет Тэтчер Марк [1, с. 22-34]. Собственно, это не скрывает и сам Теодор Обианг: «Нам нужно безопасное место для моего правительства и для будущих правительств. Вот почему мы создали Оял, чтобы гарантировать безопасность правительства Экваториальной Гвинеи» [14]. Вместе с тем многие инфраструктурные проекты, как в Малабо, так и в будущей столице вводятся с большой задержкой: практически все материалы импортируются, ряд построенных зданий переносится по желанию Теодора Обианга и т.д. Кроме того, как отметил информатор Х. Аппель, «Вместо того, чтобы иметь единый контракт на установку системы водоснабжения, у них здесь есть китайцы, арабы, смешанные компании. В настоящий момент царит хаос. Одна компания приходит укладывать асфальт, а потом [другая] разбивает его и ставит водопроводные трубы. Иногда электрические трубы пересекают водопроводные трубы, и поскольку это разные компании, то ни одна из них компания не хочет что-либо изменять. В конце концов, решения нет, и наступает хаос. Это деликатная проблема, потому что нет международных стандартов. Электромонтаж китайских компаний сильно отличается от того, что делают египтяне или американцы. Китайцы измеряют в миллиметрах, американцы – в дюймах. Но вы не можете смешивать технологии или измерительные системы, если хотите, чтобы вода текла [...] Из-за политических отношений между странами предпочтительные подрядчики меняются со временем. Одна компания прокладывает один кабель. Позже другая компания прокладывает другой кабель. Они пересекаются... Другая компания приходит, чтобы исправить это, и другая рушится. Это повторяется снова и снова» [5, р. 458]. В настоящее время в городе уже построены пятизвездочный отель, конференц-центр, университетское и правительственное здания [9]. Конечно, существует вероятность, что планы Обианга могут поменяться (так, проектная численность населения города уже снижена с 200 тыс. до гораздо более адекватных 60 тыс. жителей; по данным на 2020 г., оценочная численность населения всей страны лишь немного превышает 830 тыс. чел. [8]), однако окончательный перенос столицы должен произойти в 2020 г.

Теперь скажем несколько слов об истории Экваториальной Гвинеи. Вероятно, первые упоминания о данной стране можно найти в рассказе о плавании карфагенского путешественника Ганнона (о том, насколько значимо его плавание говорит тот факт, что с него начинается свое обозрение великий путешественник Жюль Верн): «И решили карфагеняне послать Ганнона в плавание за Столбы Геракла, чтобы основать ливийско-финикийские поселения» [4, с. 108]. Далее имеется свидетельство о том, что Ганнон добрался до местности у горы Камерун: «ночью увидели землю, полную пламени. В середине был весьма высокий огонь, больше, чем другие. Казалось, что он касался звезд. Днем это оказалось величайшей горой, называемой Феон-Охема, Колесница богов» [4, с. 109]. Как справедливо отмечают советские исследователи И. Мельников и В. Корочанцев, «трудно себе представить, чтобы, увидев гору Камерун, Ганнон не обратил внимание на остров, видимый в море на десятки километров благодаря своим высоким горам» [3, с. 38-39]. Таким образом, произошедшее около 525 г.

до н.э. плавание карфагенян можно считать первым задокументированным источником информации об этой стране.

Однако настоящее открытие страны для европейцев произошло только спустя почти тысячу лет уже в эпоху Великих географических открытий. В 1472 г. португальская экспедиция под началом Фернандо По обнаружила в Гвинейском заливе остров и познакомилась с его обитателями. Племена буби, населявшие остров «Формоза» (прекрасный), были весьма воинственны и португальцы, стремившиеся к захвату рабов, столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Собственно, остров лишь формально находился в португальском владычестве и неудивительно, что в ходе испано-португальских переговоров во второй половине XVIII в. остров, за которым уже закрепилось имя его первооткрывателя, был передан испанцам в обмен на уступки в Южной Америке (1778 г.). Что касается континентального побережья, за которым закрепилось название одноименной реки (Рио-Муни), то оно оставалось еще более недоступным и враждебным для европейцев. Заметим, что если Фернандо-По был населен этнической группой буби, то континентальный район населяли фанг, относящиеся к языковой группе банту. Подобное этническое различие в дальнейшем было использовано испанскими колонизаторами в рамках политики «разделяй и властвуй». Добавим, что, как полагают исследователи, ареал обитания фанг выходит далеко за пределы современной Экваториальной Гвинеи и включает в себя территории соседних Габона и Камеруна [10, р. 4] (подобное несоответствие границ обусловлено решениями Берлинской конференции 1884 г.). Более того, недолгое британское владычество в 1810–1820-е гг. привело к формированию еще одной этнической группы, англоязычных креолов, потомков освобожденных рабов, называемых фернандино. Если с течением времени буби наладили контакты с испанцами, то континентальные фанг решительно сопротивлялись всем попыткам колонизации. Собственно, само активное проникновение испанцев в Рио-Муни, начавшееся с 1926 г., вряд ли было бы возможно без поддержки колониальной гвардии.

Вообще внимание Испании к своим полузабытым африканским владениям возросло только в самом конце позапрошлого века, когда в ходе войны с США были потеряны не только остатки американских владений (Куба и Пуэрто-Рико), но и Филиппины. После этого Мадрид обратил наконец внимание на гвинейскую колонию, закрепив ее границы в результате Парижского соглашения 1900 г. Что касается экономического положения колонии, то уже в начале XX в. Испанская Гвинея была самокупаемой, а в дальнейшем приносила прибыль: так, экспорт какао, составлявший в 1894 г. 500 т, превысил в 1930 г. 11 500 т [12, р. 39].

Прежде чем перейти к постколониальной истории Экваториальной Гвинеи, укажем на то, что фанг играли важнейшую роль в национально-освободительном движении и, как мы уже отмечали, именно один из кланов фанг – эсанги – фактически является поставщиком политической элиты небольшой страны после достижения независимости в 1968 г.

Экваториальную Гвинею нередко именуют страной-парадоксом. При взгляде на географическую карту становится ясно, чем вызван данный взгляд. И действительно, небольшая страна (28 тыс. кв. км) фактически состоит из двух регионов: остров Биоко (переименованный после достижения независимости Фернандо-По) и континентальную часть Рио-Муни. Именно наименее развитый в колониальную эпоху Рио-Муни в дальнейшем стал настоящей природной кладовой: помимо ценной древесины в регионе имеются месторождения золота, урановых и железных руд и, самое главное, нефти.

Хотя на территории Экваториальной Гвинеи не было вооруженных столкновений, под давлением ООН и местных консолидированных политических групп («Национально-освободительное движение Экваториальной Гвинеи»),

МОНАЛИГЕ, «Народная идея Экваториальной Гвинеи», ИПГЕ и др.) Мадрид был вынужден признать независимость страны. И хотя испанские власти при поддержке фернандино и буби, опасавшихся поглощением фанг, стремились продавать федерализацию страны, этот пункт не был включен в принятую в 1968 г. конституцию. Дальнейший период страны по меткому определению оппозиционного гвинейского историка и писателя Д. Ндонго-Бийого получил название «нгемизм»: «Весь этот хаос (политический, культурный, экономический, социальный), созданный в моей стране тридцать один год назад – это "нгемизм". "Нгемизм" [...] разрушил и ослабил нас на основе трайбализма, зависти и социальной розни» [7]. Режим избранного в 1968 г. президента Франсиско Масиаса Нгема Бийого не просто разрушил экономику страны (к концу его правления столица страны Малабо была вероятно единственной столицей в мире, где отсутствовало регулярное энергоснабжение; государственные учреждения и посольства работали на автономных энергогенераторах), но и привел ее на грань национальной катастрофы: по некоторым данным, около 100 тыс. чел., т.е. 1/3 населения, были вынуждены бежать из страны (это произошло, несмотря на конфискацию лодок у населения островного Биоко), около 20 тыс. чел. было убито [6]. Лучшим штрихом к портрету первого гвинейского президента будут его собственные слова: ««Человеком, который сделал свободу Африки возможной, был фюрер. Спровоцировав войну в Европе, ему удалось принести свободу, которой мы пользуемся сегодня. Как бы ни говорили, что Гитлер был плохим, Гитлер пытался спасти Африку. Имейте в виду, что это человек, который дал нам свободу» [12, р. 294].

Лавировавший между Западом и Востоком в годы «холодной войны» Нгема был свергнут своим племянником в 1979 г., который и сегодня является главой Республики Экваториальная Гвинея, будучи одним из главных политических долгожителей современности.

Помимо прочего уникальным является и лингвистическая ситуация в стране: это единственное африканское государство, одним из официальных языков которой выступает испанский. Начиная с середины XIX в. испанский язык был единственным колониальным языком, на котором говорили, как администрация, так и миссионеры. Католическая церковь сыграла заметную роль в придании испанскому языку статуса эффективного средства коммуникации: согласно оценкам исследователей, сегодня испанским языком в той или иной форме владеют почти все жители как Биоко, так и Рио-Муни, вероятно, до 90% жителей [1, р. 12]. Это действительно высокие показатели на фоне соседних англо- и франкофонных страны, тем более, что в 1970-е гг. Масиас Нгема усиленно продвигал в качестве официального язык фанг, а в 1990-е гг. еще одним официальным языком вследствие усиления связей с Парижем оказался французский. А в 2011 г. еще одним официальным языком Экваториальной Гвинеи был провозглашен португальский. Как видим, гвинейские власти стремятся получить те или иные преференции, используя для этого лингвистические практики.

Что касается взаимоотношений с нашей страной, следует обратить внимание на их противоречивость. Несмотря на то, что Советский Союз одним из первых признал суверенитет Экваториальной Гвинеи, а также на словесную риторику Масиаса Нгема о происках «испанского империализма», сам он скорее симпатизировал Китаю и Северной Корее. Примечательно, что именно в КНДР укрылись после переворота 1978 г. члены его семьи. К концу правления Масиаса Нгема в Малабо практически не осталось западных посольств [13, р. 157]. Советский Союз получил в 1970-е гг. монополию на рыбную ловлю в территориальных водах, прекращенную сразу после переворота 1979 г.

Антиимпериалистическая риторика Нгеми была лишь ширмой, с помощью которой он пытался укрепить свои позиции как внутри страны, так и за рубежом. Стоит в очередной раз пожалеть о близорукости советского руководства. Сегодня Россия обладает уникальным шансом выстроить отношения с Экваториальной Гвинеей на основе взаимовыгодного сотрудничества: думается, что нефтяные месторождения небольшой африканской страны могут принести пользу отечественным корпорациям, ну а традиционно высокое качество российского вооружения не может не вызвать интерес Теодора Обианга. Кроме того, складывание доверительных отношений возможно и на основе антизападной направленности гвинейского руководства, особенно усилившиеся после попыток переворотов в 2000-е гг.

Литература

1. *Денисова Т.С.* Экваториальная Гвинея: диктаторы и наемники // История в биографиях: Африка – Европа: сборник материалов всероссийской научной конференции. 16 апреля 2014 года / отв. ред. Т.М. Гавристова. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2014. – С. 9-36.
2. История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время / отв. ред. А.С. Базин. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. – 327 с.
3. *Мельников И., Корочанцев В.* Экваториальная Гвинея. – Москва: Мысль, 1971. – 116 с.
4. *Хеннинг Р.* Неведомые земли. Т. 1. – Москва: Иностранная литература, 1961. – 515 с.
5. *Appel H.* Walls and white elephants: Oil extraction, responsibility, and infrastructural violence in Equatorial Guinea // *Ethnography*. – 2012. – Vol. 13. – № 4. Special Issue on Infrastructural Violence. – P. 439-465.
6. *Artucio A.* The Trial of Macias in Equatorial Guinea. – International Commission of Jurists and the International University Exchange Fund, 1979. – 62 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/1979/01/Equatorial-Guinea-fair-trial-trial-observation-report-1979-eng.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
7. Donato Ndongo-Bidyogo: Un escritor guineano y su obra // *Afro-Hispanic Review*. – 2000. – V. 19. – № 1. – P. 106 - 116.
8. Equatorial Guinea [Электронный ресурс] https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/print_ek.html (дата обращения: 10.08.2020).
9. Equatorial Guinea government moves to new city in rainforest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-38911573> (дата обращения: 10.08.2020).
10. *Fryer T.B.* Aspectos políticos de Guinea Ecuatorial: Raíces hispánicas en África // *Afro-Hispanic Review*. – 2000. – V. 19. – № 1. – P. 3-10.
11. *Lipski J.* The Spanish of Equatorial Guinea: research on la hispanidad's best-kept secret // *Afro-Hispanic Review*. – 2000. – V. 19. – № 1. – P. 11 - 38.
12. *Ndongo-Bidyogo D.* Historia y tragedia de Guinea Ecuatorial. – Madrid: Editorial Cambio 16, 1977. – 405 p.
13. *Nerin G.* Francisco Macías: Nuevo estado, nuevo ritual // *ÉNDOXA: Series Filosóficas*. – 2016. – № 37. – P. 149-168.
14. *Sackur S.* Equatorial Guinea: Obiang's future capital, Oyala [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-20731448> (дата обращения: 10.08.2020).